

Сражение Цветов (реальная история)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

София Фаддеева

18+

София Фаддеева

Сражение Цветов

(реальная история)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70004524
SelfPub; 2023*

Аннотация

В этом романе разнообразие тем, затронутых автором, столь же широко, как и то, что происходит в жизни женщины, решившей во что бы то ни стало найти уголок на земле, где она могла бы быть счастлива. Гендерное насилие, эротические желания, социальные различия и предрассудки, столкновение культур, детали и оттенки цвета кожи, происхождения, любви и ненависти... Изысканная чувствительность главной героини, выкованная многочисленными пережитыми потрясениями, оставит вас с разбитым сердцем и непередаваемой внутренней радостью от чувства сострадания, юмора, даже иронии. С большим мастерством автор захватывает внимание читателя, ведя его по лабиринтам сюжета и погружая в неожиданные события. В использовании языка в тексте присутствует безудержная страсть, а стиль полностью личный. Сама автор – загадка: русская, она живет в Мексике и издает в Испании роман об Эквадоре, стране, которую она знает не понаслышке – и это отчетливо видно из романа – со всеми ее красотами и особенностями культуры.

Содержание

ЧАСТЫ

7

Конец ознакомительного фрагмента.

57

София Фаддеева Сражение Цветов (реальная история)

«За маской любви всегда прячется смерть»

В.Г. Лорка

«Что наша жизнь?..

Сказка, рассказанная безумцем,

полная силы и ярости,

но лишенная смысла.»

В.Шекспир

Прошло много времени, но оно не стерло яркость и боль случившегося. Я вспоминаю... Вернее, нет,... не вспоминаю, просто я сама и есть эти воспоминания о двух мучительных счастливейших годах... Я – только эти воспоминания, и ничего больше, как будто всей остальной жизни и не было, а если что и было, так это предисловие к тем двум годам... и ничего больше.

Х Х Х

На крайнем севере, там, где твердь земли стыкуется с ледяным покровом океана, там, где – олени, песцы и карликовые березки, маленькая девочка протаивает пятаком морозные узоры на стекле, чтобы разглядеть, как соседи с первого этажа откапывают от сугробов свои окна. А в печке трещат дрова, родители греют воду, разводят марганцовку, девочку будут купать в малиновой воде...

И в это же время под лучами тропического солнца плещется в теплом море загорелый мальчуган, а в прохладном городке, приютившемся в горах у подножия заснеженного вулкана, слушает в столярной мастерской своего отца жужжание деревообрабатывающих станков другой смуглый мальчишка...

И под убаюкивающий стук пурги о деревянные стены дома, в самом чудном сне, самой темной полярной ночью, девочке на Крайнем Севере не приснится ничего подобного той залитой солнцем, искривленной в огромные складки земле, в которой живут те ребята. И смуглым мальчикам, ведомым черноволосыми матерями за руку к воскресной мессе, и в голову не придет, что земля может не вставать хребет за хребтом до самого горизонта, а быть плоской-плоской. Они пока не слышали даже слова такого – Россия, как и девочка еще не знает, что есть на свете такая страна – Эквадор...

Но одному из этих мальчиков девочка станет первой женою, а другому – последней любовью, и в свои зрелые годы

выросшая девочка, ставшая воспоминанием и ничем больше, напишет эту вот книгу.

Ч А С Т Ы I

Москва. Шереметьево-2. У стеклянной стены стоит светловолосая женщина невысокого роста. Она держит за руку черноволосого мальчугана двух лет. Чемоданы уже проплыли контрольный пункт, уже смахнув слёзы и помахав на прощанье, её сестра и мама отправились весь остаток дня толкаться по магазинам Москвы, закупая продукты. Вечером, обременив себя многочисленными сумками, мешочками и пакетами, заполненными, в основном мясом и колбасой, они сядут в поезд, с трудом растолкав багаж по полкам, и вернутся домой, в свой город, и ничто не изменится в их жизни, ничто, только порой мелькнет грусть об уехавшей дочери в глазах матери да сорвутся слова о желании получить из-за рубежа что-нибудь фирменное с губ сестры. А эту женщину с сыном что ждет?

За стеной на летном поле блестят фюзеляжи самолетов. Посадка. Женщина складывает молитву: «Самолет! Серебристая быстрокрылая птица! Унеси меня с собой в надежной утробе своей! Ты летишь далеко-далеко, через многие страны, горы, моря, океан, далеко-далеко, откуда мне не вернуться назад, может быть, долгие годы, может быть никогда... Я знаю, небо высоко и ветры сильны, и, несмотря на могучие крылья, устанешь ты, несколько раз присядешь на землю набраться сил, отдохнуть и с каждой посадкой покидать тебя

будут разноязыкие люди. А ты все дальше будешь лететь и, пронесясь сквозь день, задев, минуя, вечер, пронзишь ночь, и утром, когда над далеким, чужим континентом будет вставать новое солнце, ты опустишь меня, легкой тенью скользнув по горным цепям, на незнакомой земле. Уноси меня, серебристая быстрокрылая птица, в тот далекий рассвет! Я так долго ждала этой встречи, что сбудется на неведомой мне земле, в неведомом небывалом рассвете... Я решилась покинуть родных и страну и, крепко сжав сыновью ручонку, шагнула уже за ту черту, где кончается наша земля и начинается tierra ajena, потому что... там, в набегающей на песчаный берег морской пене высокой волны, я уже слышу призывный шепот. Среди пальм бродит, тоскуя, мой муж, иностранец, туземец, и в воздухе, ласковом от аромата тропических трав, ему грезится страстность объятий будущей встречи... Уноси ж меня скорей, самолет! Не томи! Подымайся! Лети!...»

Х Х Х

Кто мне эта светловолосая женщина невысокого роста, складывающая молитву в аэропорту? Зовут её как и меня, но... я ли это?... Нет, нет, она – другая. Мы только внешне схожи, да и то не очень: сказывается разница лет. Ведь проведя через то, что случилось пройти, Эквадор переплавил меня. Эквадор переплавит и эту светловолосую женщину. Но пока ей только предстоит совершить те поступки, ко-

торые я уже, наверное, не совершила бы. Не хватило бы сил. Я – уже – не смогла бы.

Ну зачем, например, свои гладкие легкие пушистые волосы с помощью перманента она превратила в мелковолнистый пергамент? Я никогда бы такого не сделала! И я никогда бы не сшила за бешеные деньги у плохо кроющей портнихи претенциозное платье из аляповатого и мнущегося материала, чтобы в нем отправиться зарубеж! (А платье полиняет от первой стрики: его краски окажутся слабее сильнодействующих зарубежных порошков). Но для этой светловолосой женщины, как для всякого советского человека, зарубежье – запретный и потому манящий плод. Хочется отведать, полакомиться!.. Для нее претенциозное платье, как и тот шаг за черту, где кончается наша земля и начинается tierra ajena, означает вызов, который она бросает обществу, своей прежней жизни, которую оставляет, как ей кажется, где-то там позади в своей судьбе. Она советская, из ничего-недозволенности и серой обыденности. Она рвется к сочным краскам, неограниченности пространства, фантастике перемещений и волшебству превращений, невероятности форм, буйству событий и силе чувств. Она рвется в сказочную реальность... А я уже прожила свою сказку, я сотворила ее – на этих страницах и в жизни – и остаюсь в ней навсегда.

Но эта светловолосая женщина ничего еще не знает о своем будущем и, разумеется, не думает так, как я. И бесполезно мне давать ей советы. Она уже переступила черту. Ей ка-

жется, что она знает, чего хочет, и делает она, что хочет. Что ж! Пусть! Она живет свою жизнь.

Х Х Х

Приглянулись мы с Бертраном друг к другу в читалке – комнате общежития, предназначенной для занятий, а познакомились на субботних танцах. Он был невысок, я ему подходила по росту. За вечер он был единственным, кто меня пригласил, а я остро переживала свою принадлежность к толпящейся вдоль стены стайке девчонок, которых никто не приглашал, и завидовала тем немногим, что выделялись пластикой движений, ухоженной внешностью, стильной одеждой, манерой держать себя...

Искусству превращать себя в красавицу я научилась потом, а тогда... на день рождения Бертран подарил мне куклу.

Х Х Х

В общежитии Бертрана прозвали Д, Артаньяном за схожесть: худощавая фигура, длинные волосы, остренькая бородка, усы... Д, Артаньян подаривший советской девочке куклу...

Х Х Х

Я стеснялась ухаживаний Д, Артаньяна. По устойчивым представлениям того времени, бытовавшим среди простых советских людей, порядочные девушки не встречались с иностранцами, те же, которые встречались, полагались проститутками, и все иностранцы считались сказочно богатыми – это мы все были сказочно бедны.

Х Х Х

Гуляя с Бертраном по Ленинским горам, мы держались за руки как дети. В сущности, мы и были детьми, хотя детьми уже не были. Ни он, ни я. Бертран учился на третьем, а я на втором курсе физического факультета МГУ.

Однажды нам навстречу попался начальник моего курса. Именно он когда-то первым поздравил меня с поступлением в университет, сообщив, что за письменный экзамен у меня пятерка и благодаря школьной золотой медали я освобождаюсь от сдачи всех остальных экзаменов. К тому же я была старостой группы, и потому начальник курса, несмотря на многочисленность своих подопечных, помнил меня.

Когда он увидел нас с Бертраном, от удивления у него вытянулась даже шея. Я настолько была поражена этим неожиданным и столь очевидным удлинением его шеи, что прежде чем поздороваться, высвободила свою руку из крепко сжимавшей ладони моего друга.

Общественное мнение я ненавидела со школы, где учителя вылепили мелкомасштабный – в пределах школы – культ меня, образца примерности и правильности. Я не была правильной, но сила общественного мнения была мне известна. Я боялась ее. Встречаясь с Бертраном, я преодолевала в себе смущение и страх. Я отпускала свою душу на свободу. Я не знала, что за шаг я совершаю. Я его делала, и там, на небесах, были удивлены моим своеволием. Рушилась предназначенная мне судьба грызуна научных глыб и почитателя формулообразных истин. Душу – на свободу? Этот шаг предусмотрен не был Высшими Силами. Они стянулись–сплелись над моей головой и, пропев несколько гимнов и других торжественных песен, решили:

– Пусть так, как она хочет! Не возражаем. Мы меняем Судьбу.

Их приговором стало:

– Искушение!

Одному Ангелу и одному Бесу было поручено, рассчитав меры, составить рецепт искупления, и они постарались при его составлении, проявив ангельское искусство и чёртовское рвение, но я далеко не уверена, что они верно взвесили все порошки и настои. Возможно, пересыпали некоторые из составляющих веществ.

Они не выдержали меру. А мне ничего другого не остава-

лось, как выдержать.

Х Х Х

Нас схлестнула страсть. Первые прикосновения, скамейки теплой вечерней Москвы среди цветущей сирени, первое обнажение груди, холлы ночного общежития.. Я помню.. за окном – невероятно огромная луна...

Х Х Х

Любила ли я его? Да и нет. У любви столько оттенков! С чем сравнивать? Эталона нет. По крайней мере, я не знаю эталона. И если уж любовь сравнивать, так с солнечным светом: непостоянным, изменчивым в утончённой игре облаков, непременно умирающим и возрождающимся, согревающим, палящим, обманчивым, слепящим, отбрасывающим дрожащие тени и блики, дарящим жизнь – невозможна без света жизнь! – но подчас смертоносным.

Х Х Х

Удивились – душу на свободу? – не только на небесах. Моих родителей также обеспокоили наши отношения с Бертрамом, о которых я имела глупость довольно искренне поведать родным. Они потребовали порвать их. Порвать!

Мать несколько раз приезжала в Москву, беседовала с начальником моего курса, а так же с инспектриссой и куратором иностранцев. Затем они все беседовали со мной, объясняли, увещевали, прогнозировали неутешительное будущее, интересовались, планирую ли я для себя аспирантуру... Я предпочитала казаться благоразумной девочкой и соглашалась со всеми.

Бертран плакал в присутствии моей матери, и ее трогали его чувствительность и сила эмоционального переживания, но она настаивала на своем.

Когда все и вся успокаивались и мать уезжала, Бертран несколько дней ходил за мной следом, я выдерживала должную паузу, перед тем как нарушить данные обещания, а затем мы встречались как прежде.

Х Х Х

Милым забавам мы предавались, как только появлялась возможность, и хотя почти год я не позволяла из-за предрассудков воспитания лишиться себя девственности, Бертран был терпелив.

– Когда-нибудь ты решишься сама, – говорил он и ждал.

Однажды, когда мы все, покинув пятиэтажки общежитий для младшекурсников и комнаты на четверых, жили уже по двое в главном здании университета и моя соседка по комнате часто отсутствовала, комендантша этажа, женщина

сталинской закваски, увидела, как ко мне зашел Бертран, и услышала звук повернувшегося в замке ключа.

На следующий день дверной замок был испорчен столь профессионально, что закрывался снаружи, но ключ, вставленный изнутри, повернуть оказалось невозможно. После долгих попыток нам с Бертраном удалось извлечь из замочной скважины спичку, но замок мы так и не починили.

Но даже когда замок не был испорчен, мы с Бертраном не переходили черту, за которой формально начинался порок, хотя, в действительности, становилось порочным столь долго за нее не ступать.

И то ли из детского упрямства-протеста против ополчившегося на нашу любовь мира, то ли для того чтоб «быть, а не слыть», то ли потому что созревший плод не держится на ветке долго, я решилась наконец потерять давно уже тяготившую девственность, а необходимость официального оформления отношений не заставило себя ждать: дней через пятнадцать я обнаружила, что ожидаемые месячные не наступили.

Х Х Х

Надо отдать должное моей матери: на аборте она не настаивала, и мы с Бертраном благополучно поженились, хотя отец на свадьбу не приехал: у него была подписка о необщении с иностранцами, и вообще он был против.

Не приехал на свадьбу и муж моей сестры, и понять его то-

же было нетрудно: он работал в КГБ, занимался правительственной связью. Вскоре после моего брака, правда, он перестал ей заниматься и на предложение выбрать между работой и моей сестрой, присутствовавшей, разумеется, на свадьбе, он выбрал мою сестру.

Х Х Х

В отличие от предназначенного для советских граждан одного месяца ожидания, выйти замуж за иностранца можно было лишь спустя три месяца после подачи заявления, а для сокращения этого срока ввиду особого положения невесты требовалось предоставление справки гинеколога, какую гинеколог не давала всвязи с малостью срока беременности и соглашалась дать в случае запроса ЗАГСа, а ЗАГС, разумеется, отказывался делать запрос, и в лучшем духе советских традиций получался замкнутый круг, хождение по которому хотя и отняло у нас с Бертраном много времени и помотало нервы, но, однако же, не испортило свадьбы, отмеченной в одном из ресторанов на проспекте Вернадского, и сейчас я с большим удовольствием рассматриваю свои свадебные фотографии: не знай я сама с определенностью о беременности невесты, глядя со стороны, ни за что не догадалась бы.

Х Х Х

А в Смоленске мои бывшие одноклассники и одноклассницы валялись от радости за меня на полу, дрыгали ногами, хватались за животы и восторженно вспоминали, как вытягивались лица наших учителей, когда им сообщали, что я, сотворенный ими – для подражания! – образец примерности и правильности, вышла замуж за иностранца и, скорей всего, уеду за рубеж.

В те времена брак с иностранцем рассматривался как отступничество от Социалистической Родины: страна воспитывала, растила, старалась, тратилась на дармовые здравоохранение и образование, и – пшик! – силы, здоровье, знание и талант уйдут – уедут – будут отданы на процветание капитализма.

Но встречались и другие мнения. Соседка сказала моей матери:

– Я так рада за вашу дочь! Говорят, она вышла замуж за принца, только болтают злые языки, страна его очень маленькая!

Х Х Х

Светловолосая женщина просыпается и смотрит в окно. Самолет уже летит над голубой чашей океана. В прорывах облаков – редкими созвездиями скопления огней, и где-то за горизонтом, в тяжких трудах преодолевая безмерность про-

странства и тьмы, готовится взойти над землей солнце. Его сила угадывается по ярости красок, растапливающих плотный слой облаков.

На коленях женщины, укрытый пледом, спит сынишка, а сама она тревожно всматривается в розовеющую за окном пышную облачную плоть. Внизу, в просветах, как картонный макет – желто-коричневая хребрящаяся поверхность. Горы.

Легкая ткань света стремительно обволакивает серебристое тело самолета, резко ложатся тени на макете, горделиво показывают свои ледники вершины... Из-за горизонта, из неведомой космической дали, на незнакомый континент накатывается горячее царственное солнце, и женщина спрашивает его:

– Ты будешь добрым ко мне? Ты знаешь, что ждет меня? Что?

Х Х Х

Двадцать три часа полета, и вот – аэропорт Лимы. Аэрофлот не летает в Эквадор, и потому мне пришлось вначале перелететь его и приземлиться южнее, в Перу, чтобы затем самолетом Эквадорской авиакомпании добираться до Гуаякиля, где меня должен был встретить муж.

В самолете Аэрофлота ощущение Зарубежья, прихлынувшее было в аэропорту, исчезло: наш самолет, наши стюардессы, все говорят по-русски... Но в Лиме пассажиры разо-

шлись. Я осталась одна. Куда мне теперь?

Прошу сына: «Не потеряйся! Я не смогу тебя найти!» – и сжав в своей ладони его ручонку, направляюсь – куда? – вперед.

Жарко. Душно. Выкрики на испанском. В центре куполообразного зала вертится огромный металлический круг. На нём, как лошадки и верблюды на каруселях, кружатся саквояжи. Выплывает громадина моего чемодана. Малыш пытается вскарабкаться на круг. Одной рукой я хватаю ребёнка – он начинает хныкать и вырываться – а другой пытаюсь стянуть чемодан.

Скуластый парень в расстегнутой на груди рубашке и линялых брюках пытается помочь, выдавая при этом поток непонятной мне испанской речи.

– Здесь, здесь оставьте! – объясняю жестами.

Парень что-то спрашивает. Я не понимаю что. Он настойчив.

– Не понимаю! – я сажусь на свой чемодан и развожу руками.

По залу расхаживают люди в разноцветных, но одинакового покроя комбинезонах: синих, оранжевых, желтых... Должно быть, сейчас в моде комбинезоны! «Обязательно куплю себе такой!» – решаю я, но, приглядевшись, обнаруживаю, что эти люди в комбинезонах... уборщики! У них в руках коробочки с длинными палочками. Иногда они опускают эти коробочки на пол и сметают в них мусор.

Ребенок снова лезет на карусель. Чтобы снять его с круга, отхожу от чемодана, а когда поворачиваюсь, вижу, что скуластый парень снова, пыхтя, тащит куда-то мой тяжеленный чемодан, но, заметив мой удивленный взгляд, бросает ношу возле уходящей вниз, под пол, застопоренной ленты конвейера: там, внизу, просторные пустынные залы...

– Спасибо! – кричу вслед поспешно удаляющемуся заботливому молодому человеку, про себя решая, что в прежнем месте мне сиделось на своем чемодане ничуть не менее удобно. Зачем он его сюда притащил? И сколько же мне сидеть на чемодане?

Достаю разговорник и подхожу к полицейскому:

– ДигамепорфавордондеэстаАэрофлот?

– Э? – выпучивает глаза полицейский.

Я повторяю:

– ДигамепорфавордондеэстаАэрофлот?

– Э?

Растерянно оборачиваюсь, чтобы взглянуть на сына. Малыш вновь взбирается на карусель, а к моему чемодану из-под пола, из просторных пустынных залов, карабкается по застопоренному конвейеру скуластый парень. Чего он привязался?

Полицейский, взглянув в ту же сторону, что и я, срывается с места и, размахивая дубинкой, бежит за мгновенно развернувшимся молодым человеком, и оба скатываются по конвейеру вниз. Крики, доносящиеся из просторных пустынных

залов становятся все тише... и смолкают. Как всё странно!

А мой ребёнок, совершив почти полный круг на карусели, собирается въехать под шторку, за которой шлёпаются чемоданы. Я бросаюсь к нему, и тут...

– Сеньора Крушинская! Сеньора Кира Крушинская?

Ко мне подходит человек при галстукe и в костюме – в такую-то жару!

– Да! Да! Я сеньора Крушинская! – обрадовано кричу я. Меня нашли! Я нашлась!

– Почему вы не подождали меня у трапа самолета? Еле вас разыскал! – с акцентом, но по-русски – по-русски! – говорит человек. – Я представитель Аэрофлота. Учился в Союзе. Меня зовут Луис.

Х Х Х

Нервничаю. Дала Луису двести долларов на билеты до Гуаякиля, уже идет регистрация багажа на рейс, а Луиса все нет!

– Мама, пить!

Достаю бутылочку с водой.

– Мама, есть!

– Потерпи!

– Есть хочу!

– Почему в самолете не ел?

– Есть хочу! И пис-пис хочу!..

У меня сдают нервы: так пусть же хоть мой чемодан пока взвесят! Пусть его зарегистрируют! Я должна попасть на этот рейс!

Тащу к весам свой тяжеленный чемодан. Бедно одетый старик с негритянскими седыми волосами перехватывает мою ношу, ставит на весы. «Дался же им всем мой чемодан! – вспоминаю скуластого парня. – Я и сама могла бы...»

– Вот билеты, – подсказывает Луис.

Он обменивается парой реплик с регистрирующим багаж человеком и переводит:

– За перевес деньги с вас не возьмут, потому что самолет недозагружен.

Я удивляюсь и радуюсь благородству капиталистов. А старик с негритянскими седыми волосами возбужденно жестикулирует.

– Он говорит, – переводит Луис, – что помог вам, и хочет вознаграждения.

Я смущаюсь:

– За что?.. Чемодан на весы поставил!.. Я не просила...
А сколько?

– Дайте мелочь, – советует Луис.

– Но у меня нет мелочи, самая малая купюра – пять долларов!

– Тогда не стоит! Не обращайтесь на него внимания!

А старик жестикулирует все энергичнее. Луис отводит меня в сторону.

Чтобы загладить возникшее ощущение неловкости, интересуюсь безопасностью полетов.

– Абсолютной надежности нет! – отвечает Луис.

– Как? – мои глаза сами собой ползут на лоб: разве можно такое сказать человеку перед полетом, даже если это и так?

– Воруют, особенно ночью в багажном отделении, – поясняет Луис.

– А! Вот оно что! А я не о том... о жизни...

– О жизни? – смеется Луис. – Нет-нет! Будьте спокойны! Самолеты разбиваются крайне редко, один в год, а в этом году уже один пропал.

– То есть как это пропал?

– В горах разве найдешь что? – невозмутим Луис. – Но то был внутренний перуанский рейс, так что не бойтесь.

Уже пройдя на посадку – Луис мне машет рукой – я вижу, как к нему подбегает полицейский и, жестикулируя не хуже старика с негритянскими седыми волосами, возбуждено указывает на тележку, везущую багаж. А Луис делает жест в сторону трапа самолета, по которому в числе других пассажиров поднимаюсь и я. Что за странный мир с бегающими и жестикулирующими людьми! Что всё это значит?

Х Х Х

Позже я пойму, что значит. Я откину крышку чемодана и обнаружу, что внутренний боковой карман бесследно исчез

вместе с палехской шкатулкой, хранившей мои украшения.

Оказывается, как мне объяснили потом, всё очень просто. Между створками чемодана просовывается палочка и проворачивается как рычажок. Боковая щель при этом расширяется. В неё засовывается рука, и содержимое боковых карманов чемоданов либо проверяется, либо карман срывается целиком, как уж получится... А именно в боковые карманы все путешественники мира и предпочитают засовывать мелкие ценные вещи! И никаких рекламаций авиакомпаниям по поводу краж: замки-то целы!

И теперь по Южной Америке ходят по чьим-то рукам и перепродаются мои палехская шкатулка, золотые часы с узором и перстень с аметистом, сережки из чёрного серебра с бирюзой... – все то, что дарила мне мама на шестнадцатилетие, поступление, окончание университета, рождение сына и просто так. Порой до сих пор меня беспокоит мысль: а если бы я тогда отдала пятидолларовую бумажку тому старику с негритянскими седыми волосами, не остался бы на месте внутренний боковой карман моего чемодана?

Х Х Х

Боинг быстро набирает высоту. В салоне – лёгкий ветерок, свежий, как утренний бриз. Стюардесса что-то долго говорит на английском. Мои пятерки в школе и университете по языку – блеф, я ничего не понимаю. Затем, видимо, то

же самое, она повторяет на испанском, но далее констатации факта, что этот язык испанский, я – увы! – не продвигаюсь. Однако, из жестов и без слов можно понять, хотя и с трудом, о чём идет речь: в случае аварии приставляйте носы к респираторам, которые выпадут из тех вон ящичков вверху, а вот эти пакетики для...

Я не успеваю подставить пакетик Малышу, и моё платье в результате...

В туалете множество надписей, кнопок, рычажков. Пытаюсь разобраться что к чему, нажимаю и дергаю всё подряд, но так и не нахожу, куда же следует выбросить бумагу, и без определённой уверенности заталкиваю её за какой-то выступ. Но вымыть руки мне удастся. Мыло, миниатюрные кусочки в изящных упаковках, лежит аккуратно стопкой. Одно вскрываю, два кладу в сумку – пригодится! Я никогда прежде не видела такие маленькие кусочки мыла, столь красочно упакованные.

Выйдя и закрыв дверь, обнаруживаю – ну хоть одну английскую надпись удаётся разобрать! – что туалет, в котором я имела удовольствие попытаться привести себя в порядок, относится к салону первого класса. Мой же билет экономического класса, и туалет – в конце салона экономического класса.

Я опускаюсь в кресло. Соседка протягивает мне таблетку и жестами поясняет, что её следует дать ребенку, когда самолет – руки в стороны – у-у-у-у-у! – указательный палец

к земле – пойдёт на посадку, и всё тогда будет окей. Я благодарно улыбаюсь и беру таблетку, про себя решая, что травить ребёнка подозрительными иностранными таблетками, конечно же, не стану.

А Малыш, несмотря ни на что, неплохо себя чувствует. Ему не сидится. Он раздёргивает занавески, отделяющие салон первого класса от экономического. Стюардесса, улыбаясь, задёргивает их вновь и вновь. Ребёнок, с криком вырываясь из моих рук, раздёргивает их снова. Фруктовый салат – кусочки ананаса, арбуза, дыни, папайи – не заинтересовывает его, хотя я настойчиво тычу ему ложку в рот, безрезультатно...

Сквозь неплотно задёрнутые занавески я вижу, как обслуживают пассажиров первого класса (салон первого класса полупуст; мне виден лишь один полный пожилой мужчина в безупречном костюме; все его движения... подносит бокал ко рту... как бы замедленны): пока человек пьёт, стюардесса стоит рядом со стопкой салфеток на подносе в руках, а когда человек заканчивает пить, стюардесса пинцетом берёт с подноса и протягивает ему салфетку для вытирания губ и сразу по использованию пинцетом же убирает её со столика. Всё походит на игру в хорошо отдрессированных породистых собак. А я – все мы дворняжки – только что из страны декларируемого равенства и реального неравенства, но скрываемого гораздо тщательнее, нежели простым задёргиванием легких занавесок.

Самолёт идет на посадку, и по правилам полёта занавески сейчас должны быть раздвинуты, но мой ребенок теперь, наоборот, упрямо их задёргивает, и я ничего не могу поделать. Я не могу с ним справиться! Мягко, насколько может, стюардесса пристегивает извивающегося в протесте Малыша к креслу.

Соседка, опасаясь повторения, напоминает о таблетке. Я делаю вид, что не понимаю, и таблетку, на самом деле, давать ему незачем, потому что на этот раз ребенка не тошнит, нет, на этот раз он наделявает в штанишки, и по салону вместе с бризом проносится аромат... Игнорируя просительные жесты стюардессы не отстёгиваться от кресла, я иду в ближайший, первого класса, туалет и засовываю за прежний выступ испачканные штанишки. Скорей бы вручить ребёнка отцу! У меня нет больше сил.

Я помню взгляд стюардессы, которым она меня провожала, когда я спускалась по трапу.

Х Х Х

Какой маленький аэропортишко – Гуаякиль! И не таможня, а так – для смеха – один человек ставит выстроившимся в очередь пассажирам печать о прибытии в паспорт. А где же Бертран? Что я буду делать, если он не встретит меня? И что это за мужчина с огромным букетом гвоздик, присев на корточки, протягивает моему мальчику конфету?.. Бертран?..

– Здравствуй! – я бросаюсь мужу на шею. – Как странно всё, как странно! Ты совсем не такой, как прежде! Ты похудел и посмуغلел! Или просто мы давно не виделись? Подумать только, год! Бертран, боже, я так устала! Ребёнок меня не слушается! Его избаловали бабушка с дедушкой. Почему ты медлишь, Бертран? Уедем скорее отсюда! – я говорю много-много и быстро-быстро, пытаюсь изобразить радость, но её нет.

Я так измучена перелетом! И этот мужчина кажется мне почти незнакомым! Я отвыкла от него за год нашей разлуки, и вообще, такое ощущение, что я ни на том и не на этом свете, а в четвертом измерении, и всё это не со мной...

Где, когда, не знаю – или знаю? – каким словом, каким действием, как в фантастическом приключенческом фильме, изменила я свою судьбу, и она пошла разматываться совсем в другом направлении, нежели предполагалось изначально... Это четвёртое измерение... Это не я...

Х Х Х

– Эквадор! Страна в середине мира! На дороге солнца! Страна чудесных контрастов! Всегда лёгкая весенняя температура меняется с высотой, и кажется, все времена года проходят в один день! Удивительная страна, потому что... Эквадор – это Коста, Сьерра, Ориэнтэ и Галапагосский архипелаг!

– Тот самый, благодаря которому великий англичанин сформулировал свою эволюционную теорию?

– Именно так! Игуаны, тюлени, пингвины, огромнейшие черепахи... Спешите увидеть!

– А что такое Коста?

– Побережье! Океан! Пляжи! Банановые плантации! Изобилие фруктов! Не прекращающиеся ни днем, ни ночью сальсы, кумбии, маримбо!.. И Гуаякиль! Крупнейший город страны! Жемчужина Тихоокеанского побережья континента! Вас ждут превосходнейшие бары, бассейны, теннисные корты, дискотеки, парки, залы для игр, казино... Спешите!

– Хорошо! А что такое Сьерра?

– Сьерра? Это горы! Южные Кордильеры! Величественные вулканы! Ледники на вершинах! Бьющие из скал источники! Индейцы, продающие изделия древних ремёсел! И столица страны, древний Кито! Музеи с экспонатами доколониальных времён и памятники эпохи Конкисты! Асиенды, преобразенные в отели! Рестораны креольской кухни! Спешите!

– А Ориэнтэ?

– О! Ориэнтэ! Джунгли! Сказка, о которой нельзя рассказать, её нужно, увидеть! Спешите!

Эквадор переполнен тайнами и вещами, достойными, чтоб вы их узнали, постигли, купили! Спешите!

– Эквадор – земля горячего и дружелюбного народа, гордого своим индейским происхождением, богатым прошлым

и великим обещанием будущего!

– Эквадор – земля приключений! Невероятный Эквадор выходит за рамки обычного в мире.

Вас ждет самая близкая к солнцу страна!

– Эквадор – это дорога солнца и СЕРЕДИНА МИРА.

...Еще в Союзе я ознакомилась с рекламными проспектами, подаренными мне – тогда ещё только будущим – мужем.

Х Х Х

Все такси – жёлтые. Обшарпанное сиденье, ручка для открывания окна оторвана, и для открывания двери оторвана тоже... За окном – дома с обвалившейся штукатуркой... Жарко, влажно, душно. Тело в испарине...

– Бертран! Это и есть Гуаякиль? Самый крупный и самый красивый город страны? Жемчужина Тихоокеанского побережья континента?..

– Это окраины, не пугайся! Центр тебе понравится.

Я кладу мужу голову на плечо. Как прекрасно звучит «не пугайся»! Теперь за сына и за меня в ответе он, и мне легко и радостно: у сына есть отец, у меня муж, а ещё у нас новая, необыкновенная страна, подаренная нам Бертраном, и она, эта страна, какую бы ни была, мне обязательно – обязательно! – понравится...

Х Х Х

Огромная шестикомнатная квартира. Но мебели в ней... Две комнаты совсем пустые, а на кухне – несколько тарелок и чашек, чайник, одна кастрюля и никакого запаса продуктов.

– Бертран! Ребёнка пора кормить, да и я чего-нибудь перекусила бы...

– погоди! – Бертран уходит.

Он приносит в пластмассовых коробочках с разрисованными крышками первое, второе и бутылочки сока.

– Где ты всё это купил так быстро?

– В соседнем ресторанчике.

– А на ужин? Ты снова пойдёшь покупать?

Х Х Х

Я беспомощное дитя. Я маленькая. Мне нужно, чтобы меня накормили. Я сама не поем: не знаю где, и как, и сколько заплатить. Мне нужно, чтобы меня взяли за руку и отвели. Я сама не доберусь. Не сосчитаю количество остановок, перепутаю право и лево. Я ведь ещё не умею говорить. Мне нужен кто-то, чтобы говорил за меня. Я сама не могу. А ещё у меня двухлетний сын, о котором заботиться приходится мне, потому что муж постоянно на работе. По вечерам и ночам он пытается ухаживать за ребёнком, носит его в туалет, даёт пить, но Малыш капризничает, хнычет, требует маму... Отец расстраивается и злится. А ещё к тому же у нас с сы-

ном болит горло и на спинах красноватая потница, несмотря на то, что из-под душа мы с ним не вылазим. И при всём при этом я чувствую, что нарушаю устоявшийся за год холостяцкий быт мужа, что не в радость ни ему, ни мне. Я прошу Бертрана приобрести кухонную утварь и сделать запас круп, но он почему-то ничего не покупает, предпочитая выдавать мне ежедневно малую сумму, которой я не знаю как распорядиться: не знаю, что на неё можно купить; на что хватит, а на что нет.

Мне очень хочется ананасов и бананов, что продаются возле дома и вообще на каждом углу, но муж сказал не покупать, потому что в другом месте можно купить гораздо дешевле. А где это место? Почему он не отведет меня туда? Я в полной зависимости от Бертрана. Я ему в тягость такая беспомощная.

Я прошу показать врачу ребёнка, у него температура, а Бертран говорит, акклиматизация, привыкает к местным микробам, это понятно, это нормально, это пройдет, не стоит идти к врачу. Я настаиваю.

– Нет денег, – говорит Бертран, – у нас медицинское обслуживание не бесплатное. Бросай советскую привычку обращаться к врачам по каждому пустяку, и вообще, тебе пора ехать знакомиться с моей матерью.

Х Х Х

Маленький автобус-бусета мчит нас по пыльной дороге. Бертран выбрал рейс именно этой компании, потому что она доставляет пассажиров из Гуаякиля в Эсмеральдас за семь часов, в то время как большие и неповоротливые автобусы других компаний, билеты в которых несколько дешевле, трагит на дорогу не менее десяти часов, но сомнительно, что и семь часов высидит на коленях родителей наш непоседа-ребёнок.

Выезд из города грязный, шумный. Выхлопные газы туманом зависают над землей. Чуть притормозит автобус, к окнам липнут подростки и малышня:

– Сеньор, купите колу, купите куэро, купите канью, мороженное, кукурузу с сыром, газету, пиво, купите, купите!...

Около развилки дороги – свалка мусора и табличка:

PROHIBIDO BOTAR LA BASURA

Что такое «botar la basura», я знаю: бросать мусор. А вот слово «prohibido» незнакомо мне. Но раз здесь свалка мусора, то наверняка это слово означает «разрешается». Бертран заранее предупредил меня, чтобы я не удивлялась, когда пассажиры станут кожуру от мандарин, пакеты из-под сока, банки от пива, всякие бумажки и обёртки выбрасывать через окно, что, конечно, засоряет дорогу, но зато не загрязняет салон автобуса, а так как автобус – частная собственность, водители ревностно следят за чистотой своего имущества.

Спустя три часа, когда Малыш натирает нам с Бертраном колени до бесчувствия, автобус делает остановку. В кафе я

снова вижу слово «prohibido-разрешается» в надписи:

PROHIBIDO FUMAR

А что такое fumar я также знаю: курить. Получается, что надпись переводится: разрешается курить. В зале многие курят. Вот это здорово! Страна, где всё разрешается!

– «Prohibido» значит «запрещается», – разочаровывает меня муж.

Тут до меня доходит, что просто в этой стране никто не следует запрещениям.

X X X

Тропический ливень! Тропический ливень! На наш маленький автобус, пробирающийся среди пальм и банановых плантаций по неасфальтированному участку дороги, низвергается с неба водопад. Видимость на дороге нулевая. Автобус останавливается.

А когда стихает грохот бьющих о крышу струй:

– Смотри! Смотри! Броненосец! – толкает меня в бок Бертран. – Видела? Перебежал дорогу! Из его панциря делают чаранги, национальный музыкальный инструмент.

Все пассажиры бусеты, точно так же, как это было бы и в России, с тем только отличием, что дорогу перебежал бы не броненосец, а живущий в российских перелесках зверёк, радостно переспрашивают друг друга:

– Видели? Видели? Вон там...

– А у нас дорогу перебегают зайцы. Из них делают шапки, – говорю я.

Но сейчас ведь я в Эквадоре, стране чудес, и дорогу здесь перебегают броненосцы.

Х Х Х

Окраины Эсмеральдаса впечатляют меня еще более Гуаякильских: стекла во многих окнах отсутствуют или разбиты, многие балконы не обнесены перилами – на них страшно смотреть, слишком живо рисуется картина: по недосмотру матери выходит на балкон ребёнок и срывается вниз... Всюду грязь, мусор... Люди одеты бедно: линялые платья, выгоревшие порванные майки, брюки... тоненькие детские ручки... много негров... нищета... В висках стучит ужасное слово – нищета... нищета... Но вот ближе к центру – квадраты скверов, фонтаны, стройные пальмы, ухоженные особняки, нарядные витрины магазинов...

Бусета останавливается. Мы выходим. На своей машине, красной советской «Ладе», нас встречает сестра Бертрана Марта вместе со своими детьми. Марте далеко за тридцать. Марта полнеет. Она похожа на брата лицом. Она целует меня и садится за руль. Три её дочери обнимают малыша, своего двоюродного брата, и всей гурьбой мы плотно – свободно-го места нет! – заполняем машину. За окном мелькает пыль улиц... Не по душе, не по душе мне этот город! Ни центр, ни

тем более окраины! Я ни за что бы не хотела здесь жить!..

Но родительский дом Бертрана – ажурные решетки на окнах... – нравится мне с первого взгляда. На пороге меня поджидает свекровь, сеньора Мария, и она мне тоже нравится с первого взгляда.

– Ах, наш покойный отец был очень плох в денежных делах, – говорит Марта, Бертран переводит. – У него был выбор: купить дом на берегу, где сейчас живут все лучшие люди города, или этот, наш. Этот был немного дешевле, и он купил его. А в этом районе проблема с водой! Но здесь, правда, напротив нас живет доктор, а за углом дом директора телевидения Эсмеральдаса...

Марта, я чувствую, как бы оправдывается. За что? Перед кем? Я же из страны диктатуры пролетариата! Мне – пока! – смешны её социальные притязания и претензии.

А сеньора Мария, несмотря на свои семьдесят лет, держится молодцом. Покуривая сигарету, вспоминает своего недавно умершего мужа Тельмо, отца Бертрана. Мелко вьющиеся чёрные волосы сеньоры Марии заставляют меня подумать о далеком следе негритянской крови, а цвет кожи и профиль у неё, наверное, от индейской. В Тельмо же текла испанская кровь, был он светлокож. Вот и дети такие разные: Марта и Бертран смуглы и кареглазы, а у младшего сына сеньоры Марии Мигеля белое-белое тело и голубые глаза.

– Твой сын похож на Тельмо, – говорит сеньора Мария и затягивается поглубже.

Нам с Бертраном отводят комнату. Дети бегут играть в патио – маленький дворик. Я спрашиваю, можно ли принять душ.

Холодная-прехолодная вода – как она может быть здесь, в этом климате, такую холодной? – подаётся из бетонного резервуара, сооружённого во дворе дома. Днём велик разбор воды в городе и давление в трубах оказывается недостаточным для её подачи, но за ночь резервуар наполняется и с помощью насоса снабжает дом водой днём.

Впервые в жизни мою волосы в холодной воде. Ощущение! Но какое блаженство потом!.. Ой! Что это? Ай! Ай-ай! Батюшки, что это?

– А-а-а-ай-ай! Бертран! Бертран!

На полу чудовище. Вместе с усами сантиметров двадцать. Вбегает Бертран.

– Глупая! Это кукарача! Таракан! Они живут под домом! Как он сюда пролез? Сама же видишь, в кафеле пола нет ни одной щели!

Что это они все передо мной оправдываются: за район, за кукарачу!.. Мне всё равно, как пролезло это чудовище!

– Не кусается?

– Кто? Кукарача? Кукарача – нет! Я кусаюсь! – Бертран вытирает меня и на руках голую, в полотенце, проносит в постель.

Я боюсь кукарач.

Моя жизнь беззаботна. Бертран уехал, обещав через недельку-другую вернуться. Пока я буду гостить в его родительском доме, он уладит некоторые свои недавно возникшие финансовые проблемы.

Для меня повесили в патио гамак, и я в нём качаюсь целыми днями то с учебником испанского в руках, то с книгой стихов эквадорских поэтов, которую я разыскала в доме. А Малыш или раскатывается на старом трёхколесном велосипеде по двору, или же вместе с дочерьми Марты взбирается по лестнице в деревянную пристройку к дому и срывает с веток раскидистого дерева маленькие кислые зеленые тыковки – гросейю, которую затем дети посыпают иногда солью, иногда сахаром и съедают. Марта же днём на работе, она возглавляет один из отделов крупного банка. Сеньора Мария вместе со служанкой заняты обедом.

Я, быть может, и повозилась бы на кухне тоже, и, например, вместо лёгкого эквадорского завтрака – кофе, булочки, масло, сыр – сварила бы детям кашу, но я не знаю, как по-испански «каша», как по-испански «манка», «гречка», и есть ли здесь вообще манка и гречка?..

Я хожу в тиенды – маленькие магазинчики, которых пруд пруди вокруг, на каждом углу, и в которых есть все, что может внезапно потребоваться в хозяйстве: хлеб, молоко, яйца, масло, помидоры, лук, салфетки, туалетная бумага, щёт-

ки для натирания пола, батарейки, таблетки от головной боли, мыло, шампунь, ручки, карандаши, пуговицы... – но вот есть ли в них манка, гречка?..

Для разнообразия я хожу то в одну тиенду, то в другую, а так – мне подсказывают – здесь не принято, нужно определиться и ходить в одну, тогда будут делать скидку как постоянному покупателю и никогда не подsunут некачественный товар. Но я хожу в разные тиенды и покупаю бананы. На самую мелкую монету мне дают два банана.

Бананы! Хм! Это в Союзе только и знают – бананы! А здесь уточни: оритос ли, маленькие, золотистые, величиной с пальчик; лименьос ли, толстые, с розовой плотью, в красной кожуре; или же в коричневых пятнышках тигровые, самые спелые, самые вкусные, гинеос; а может быть те, что нужно жарить, мадурос; или же те, что варят, вердес?.. Бананы! Бананы! Бананы!..

В конце концов, я определяюсь и хожу в тиенду к донье Росите: она терпеливо пытается понять всю ту несурязицу, что выдаю я за испанский язык, и вопреки традиции не берёт с меня, гринги – я gringa! – больше, чем с остальных.

Х Х Х

Сегодня с кокосовой пальмы, что растёт в патио нашего дома, упал орех. Сеньора Мария взяла мачете и протянула мне:

– Разруби!

Орех никак не раскалывался! А я не из слабых!

Сеньора Мария усмехнулась:

– Видишь, у него три шва с одной стороны, – показала она

– Надо знать, где ударить!

Она ударила, и орех легко раскололся. Вышла почти притча. А потом мы пили кокосовое молоко и выскребали белую внутреннюю поверхность ореха.

Х Х Х

А хлеб здесь не черствеет – такая влажность! Он может лишь заплесневеть.

Х Х Х

По вечерам мы с Мартой беседуем. Марта по несколько раз терпеливо повторяет одно и то же, а если я все равно не понимаю, то взамен непонятных мне слов подбирает синонимы или поясняет значение слова жестами, ситуацией, указанием на предмет и может объяснять бесконечно – пока я не догадываюсь, наконец, о чем идет речь, и таким образом мы разговариваем обо всем. Бывает, даже спорим на религиозные темы.

Для них христианство, как для нас марксизм-ленинизм: его нельзя оспаривать, нельзя сомневаться... А я, овладев-

шая основами научного атеизма на пятом курсе университета, задаю вопросы, на которые не может быть ответа. Марта же бросается ответ искать...

Но в конце концов мы приходим к выводу, что родился Марта в Советском Союзе, а я в Эквадоре, быть Марте убежденной атеисткой, а мне добропорядочной католичкой, и, кроме того, родился мы с ней в мусульманской стране, мы обе верили бы в Магомета... Мы смеемся.

Х Х Х

Впрочем, чувствовала себя носителем истин и самоотверженным просветителем, не догадываясь, что просто-напросто ведёт себя неприлично в гостеприимном католическом доме, не я – нет, не я! – а та светловолосая женщина. У неё мозги – чуть-чуть набекрень, что ли? – были пропитаны притупляющим живое восприятие культом советской страны, атеизмом, и запах этой пропитки выветрится нескоро. Невскоро она прочитает книги Бердяева, Соловьёва, Флоренского – кто это? – она пока даже не слышала это громкие имена, русская религиозная мысль в её стране под запретом. Она не станет глубоковерующим человеком, нет, но многое ей откроется – позже, позже... И что с того, что сейчас мне стыдно за эту светловолосую женщину? Прошлое оказывает влияние на будущее, но будущее на прошлое – увы!

Х Х Х

Тельмо, отец Марты, был против ее брака: что толку в том, что Нельсон высок, строен и голубоглаз? Гуляка! Беззаботен дальше некуда!.. Но молодость отвергает опыт старших – у тебя в жизни, кажется, все будет не так, как у других. Марта с Нельсоном поженились. Первую дочь назвали редким именем Ноэлин. Счастливы они были недолго.

Вечерами Марта преподавала в местном университете. Нельсон возмущался: жены нет дома по вечерам! Марте нравилась работа в университете, но она вынуждена была ее оставить. Конфликты, однако, не прекратились.

Родилась вторая дочь Мария Исабель, но брак счастливее от этого не стал. Нельсон изменял жене. У него родилась девочка на стороне.

Марта решила расстаться с мужем, и началась долгая полоса разлук и примирений, в одно из которых родилась Ингебор.

Теперь Нельсон, то трезвый, то пьяный, иногда постучится в дом под предлогом увидеть детей, передать им подарки, и тогда они с Мартой подолгу, даже когда все уйдут спать, сидят в зале. Нельсон пытается обнять Марту, но Марта сбрасывает с плеч его руки, хотя – видно – попытки Нельсона ей приятны.

Х Х Х

В один из вечеров Марта рассказывает мне...

Они с Нельсоном еще жили вместе, когда ей донесли, что для встреч с любовницей Нельсон снимает дорогую квартиру. Марте сообщили имя любовницы и телефонный номер ее родительского дома.

Марта, не колеблясь, набрала номер, попросила пригласить к телефону сеньориту Алехандру и, представившись сестрой Нельсона, поинтересовалась, не забыл ли ее брат на снимаемой квартире часы, он сегодня перед тем, как уйти на работу, весь дом перевернул, не мог найти часы, и лишь потом вспомнил, где мог оставить их, и дал этот телефонный номер сестре с тем, чтобы она позвонила насчет часов и познакомилась заодно с Алехандрой, потому что у него по отношению к ней самые серьезные намерения.

Алехандра тает в телефонной трубке: да-да, она очень рада познакомиться с будущей свояченицей, да-да, у них с Нельсоном серьезные намерения, да-да, он снимает квартиру для встреч, они виделись на этой квартире вчера, но часы, насколько помнится Алехандре, Нельсон в той квартире не забывал. Впрочем, сегодня Нельсон покупает для Алехандры новый холодильник, и когда они увидятся, она обязательно спросит, где же это он забывает часы, если не дома и не на снимаемой квартире? Часы должны найтись! А может, и правда, они остались в той квартире? Если сестра Нельсона хочет, так Алехандра прямо сейчас может сходить и посмот-

реть, нет ли их там...

Тут Марта не выдерживает:

– Да-да-да-да, хочет! Хочет! – она захлебывается. – Хочет! Хочет, чтобы ты вернула часы, не сестра, а жена Нельсона! И не тебе, не тебе, а мне, мне сегодня Нельсон купит новый холодильник!

Марта отшвыривает трубку, минут двадцать приходит в себя, а затем набирает тот же телефонный номер вновь и, старательно изменив голос, просит пригласить к телефону мать сеньориты Алехандра. Через некоторое время к телефону подходит сеньора:

– Я слушаю. С кем имею честь?

Марта выплескивает весь свой праведный гнев:

– Ваша дочь такая-сякая, сякая-такая, спит с женатым человеком, тянет из него деньги такая-сякая, сякая-такая. Да весь город скоро будет знать, что сеньорита Алехандра и не сеньорита вовсе и не сеньора, а такая-сякая, сякая-такая, что иначе и не назовешь!...

И лишь бросив трубку и придя в себя, Марта соображает, что матерью Алехандры ей представился тот же самый голос!.. тот же самый, который она слышала и тогда, когда набрала проклятый номер первый раз.

Кстати, в тот день Нельсон купил новый холодильник Марте.

Х Х Х

Одним южным – южнее некуда – экватор! – теплым вечером Нельсон, Марта, я и наши дети (как только все мы вместились в машину!) ездили к морю и по дороге пели песни, а на пляже бегали по воде. Садилось в воду солнце. Волны были темны и таинственны. Нельсон поднимал Марту на руки и кружил. Марта смеялась, дети обрызгивали друг друга, шлепая ладошками по воде, и визжали от восторга и прохлады...

И в тот же вечер, сгустившийся в темную южную – южнее некуда – ночь, Марта призналась мне, что никогда не вернется к Нельсону, как и Нельсон к ней: что прошло, то прошло, а шалости эти – так просто...

Я разбирала далеко не все произносимые Мартой слова, но понимала более того, что говорила Марта. Понимала, что «так просто» вовсе не так просто... Голос у Марты был очень грустный, невозможно было не понять.

Х Х Х

Раскачиваюсь в гамаке. В этом ужасном климате – вечная сауна! – я, пожалуй, уже сбросила парочку килограммчиков, в теле ощущение стройности. Интересно, приходит в голову мысль, а как это смотрится со стороны: молодая женщина в легком, открытом и расшитом цветами платье до пят, свесив небрежно ногу, качается с книгой в руках в гамаке?..

– Сеньорита, не нужно ли вам постирать одежду?

Первая моя мысль: « у меня грязное платье?!».

Оборачиваюсь. Полная негритянка прижалась к забору.

– Я могу постирать, сеньорита!

Моё платье здесь не причем. Я качаю головой: в доме есть служанка.

– Ну хоть какую-нибудь работку, сеньорита! Пожалуйста!..

Она просит о работе, как о милостыне.

Я пожимаю плечами, зову сеньору Марию.

– Нет-нет, – говорит сеньора Мария. – У нас работает одна женщина.

Негритянка уходит не сразу, заворожено глядя на раскачивающуюся в гамаке светловолосую женщину в легком, открытом, расшитом цветами платье.

Х Х Х

Ночью не шла вода. Резервуар остался незаполненным. Власти принимают меры: по городу воду развозят машины, но ее разбирают мгновенно, мы не успеваем. Сеньора Мария моет посуду в вонючей жиже – воде, в которой уже несколько раз мыли посуду с порошком. Оставить посуду грязной нельзя: налетает рой мух.

Мы остаемся без обеда. Булочки с молоком.

На следующий день – то же самое. А погода при этом никак не реагирует на отсутствие воды, сауна прежняя. В обе-

денный перерыв Марта мечется по городу, но купить воду ей не удастся.

К вечеру, наконец-то, подъезжает водовоз и сливает весь бак в резервуар. Жизнь! Вода! Но непредвиденные расходы не входили в планы Марты. Несколько дней обходимся без мяса: картофель, рис...

Х Х Х

Я покупаю у доньи Роситы растительное масло:

– Асьетэ, – прошу я подать масло и указываю пальцем на бутыль.

– Нет, сеньора, – возражает хозяйка тиенды, – по семь сукрес вы нигде не купите масло, оно стоит сорок сукрес.

– Хорошо, мне асьетэ, – я согласно киваю головой.

– Нет, по семь я не продам, сколько бы бутылей вы не брали! – почему-то возражает мне хозяйка – масло стоит сорок сукрес!

– Хорошо, хорошо, дайте мне, пожалуйста асьетэ!

– Нет!

– Мне нужно асьетэ и пусть стоит, сколько стоит! – пытаюсь объясниться я.

Тут донью Роситу осеняет:

– Не «а сьетэ», сеньора! «А сьетэ» значит «по семь», – она на пальцах показывает число. – Вам нужно асэйтэ, сеньора! А-сэй-тэ! Асэйтэ!

– Да-да, – обрадовано киваю головой, видя, как рука доньи Роситы тянется, наконец, к вожаденной бутылки. – Я и говорю, асьетэ!

Донья Росита вздыхает и подает масло.

– Сорок.

– И еще мне кахон спичек, пожалуйста!

– Сколько? Кахон? – удивляется хозяйка.

– Один кахон! – подтверждаю я.

Донья Росита тащит ящик со спичечными коробками и подает мне.

– Нет-нет, – отказываюсь я. – Мне один кахон!

– Одну каху, а не кахон, наверное, сеньора! – еще раз вздыхает донья Росита и вынимает из ящика одну коробочку спичек.

Слава богу, кроме меня покупателей в магазинчике нет.

Х Х Х

Воскресный день. Марта везет всех на Черную реку!

Приезжает с женой и детьми Мигель, грузный, голубоглазый. Приезжает на такси, но это такси – его собственность. Днем Мигель сдает машину в аренду, и водитель платит Мигелю почти половину выручаемых денег, а ночью в ранние утренние часы Мигель разъезжает на своем такси по городу сам, а сейчас это такси – личный транспорт.

Смугловатая жена Мигеля Росио, гладкокожая и груда-

стая – седьмой номер, никак не меньше – беременна третьим ребенком. Мигель надеется, будет мальчик. Две девочки у них с Росио уже есть. Мигель очень хочет мальчика, но если уж снова родится девочка, так пусть будет темноволосой и зеленоглазой! Мигель хочет темноволосую зеленоглазую дочку.

Такой была дочь Тельма от первого брака, сестра Мигеля по отцу. Она стала королевой конкурса красоты Эсмеральдаса, затем вышла замуж за генерала и живет сейчас припеваючи в столице, ни в чем не испытывая нужды, в том числе и в общении с родственниками.

Может быть, Мигель хочет похожую девочку, чтобы она тоже вышла замуж за генерала?

Впрочем, если родится мальчик, еще лучше, считает Мигель. Хоть бы родился мальчик! Мальчик! Мигель хочет мальчика! Да здравствует мальчик! ;Viva el varón!

Кортеж из двух машин – впереди Марта на красной «Ладе», позади Мигель на желтом такси – мчится к Черной реке.

Х Х Х

Мост. Машины останутся здесь. Крутая тропинка к широкой ленте реки лежит среди высоких зарослей. Я интересуюсь: крокодилы, ядовитые рыбы, змеи?.. Мой вопрос встречают дружным смехом.

Купаться! Купаться! Все в воду! Вода в реке черная от

черного песка дна. Сеньора Мария входит в реку прямо в платье, не раздеваясь. Его за минуту высушит потом солнце.

Река оказывается мелкой, плавать невозможно, нужно просто коснуться руками дна, и течение само омоет тело. Но мы с детьми придумываем другое развлечение: поднимаемся вверх по реке, ложимся на спины, и течение проносит нас мимо приветственно машущей нам компании все дальше и дальше, за один поворот реки, за другой...

В воде – блаженство, но выходить на берег – мучение, солнце тотчас же прикладывает к телу свои раскаленные добела куски. Кажется, еще мгновение и обуглится кожа.

Экватор. Эквадор. Полдень.

Х Х Х

Я шла по городу одна, когда услышала себе вслед:

– ¡Qué linda suca!

«Qué linda» значит «какая красивая», но слово «suca» озадачивает меня. «Suca» звучит «ссука». Международное слово?

Мне неудобно, но я решаюсь спросить у Марты. Марта смеется: «suca», оказывается, переводится как блондинка.

Я блондинка? Я не блондинка! Просто не темноволосая, как большинство местных женщин, а русоволосая, светловолосая, но блондинкой меня не назовешь!

– ¿Soy suca? – удивленно спрашиваю я Марту. – Я блон-

динка?

– Susa, – подтверждает Марта.

Я вспоминаю, что одну знакомую Марты мне довелось видеть дважды, и при нашей второй встрече Марта негодовала: зачем свои прекрасные каштановые волосы ее подруга перекрасила в черный цвет!

– Скажи, ей было лучше, когда ты видела ее в прошлый раз?

А я, признаться, вовсе не заметила разницы.

Х Х Х

За титул королевы красоты, рассказывает Марта, однажды боролись две прекрасные претендентки: одна темноволосая, смуглая, кареглазая, другая голубоглазая, белокожая, светловолосая, красивая не менее, но другой, не латиноамериканской красотой. Корону королевы надели на голову светловолосой, а народ неистовствовал: всем хотелось, чтоб королевой красоты была названа *la morena* .

– Почему? Если обе были красивы? – обижаюсь я за светловолосую.

Х Х Х

На два дня приехал Бертран. Он повел меня знакомиться в семью однофамильцев. Санчесов в Латинской Америке

больше, чем в России Ивановых.

Бертран практически вырос в семье своих однофамильцев. Он дружил с детьми этого семейства, бегал с ними на пляж, делал уроки, обедал, ужинал, оставался ночевать... Сеньора Ребекка, мать семьи, преподавала в колехии «Святое сердце», лучшим учеником которого был Бертран. Все говорили ей: «Какой у вас прилежный сын!» А она никого не разуверяла. Бертран считает ее своей второй матерью.

У Ольги Марии, дочери этого семейства, были к Бертрану особые чувства. Она писала ему письма в Союз несколько лет после его отъезда. Бертран перестал ей отвечать на письма, когда познакомился со мной.

За Ольгой Марией долго ухаживал юноша, чье предложение о замужестве она отвергала до тех пор, пока не узнала, что Бертран женился. Тогда было объявлено о помолвке, но со свадьбой Ольга Мария тянула и перед возвращением Бертрана поссорилась с женихом. Она вышла замуж спустя две недели после моего приезда в Эквадор.

Бертран любит, когда приезжает, подолгу болтать по телефону с Ольгой Марией, и смеется, смеется в трубку. Даже сеньора Мария не выдерживает, машет ему рукой:

– Хватит! Хватит!

И я не выдерживаю, ухожу к Марте и говорю:

– Марта, мне кажется, я заняла место, предназначенное не мне, а Ольге Марии. Может, было бы лучше, если б Бертран женился на ней.

Марта отвечает совсем не так, как мне хотелось бы! Я ведь спрашивала для того, чтобы услышать:

– Что ты! Он любит тебя! С ней они просто друзья!

Но Марта не поняла, для чего я спрашиваю.

– Что же теперь говорить об этом? – сказала Марта. – Поздно! У вас сын, и Ольга Мария замужем!

А Бертран смеется и смеется в телефонную трубку. Он никогда так не смеется, разговаривая со мной.

Семье Санчесов принадлежит самая популярная в Эсмеральдасе книжная лавка. Ручки и тетради жители города предпочитают покупать у Санчесов. Глава семейства, сеньор Набор, платит дочери Ольге Марии деньги за работу в лавке продавщицей.

Живут Санчесы в лучшем районе города, Лас Пальмас, что раскинулся на берегу океана.

Роскошный дом! Огромный паркетный зал с тяжелой добротной мебелью темного дерева, фонтан в одном из холлов, не имеющем потолка – небо! – на второй этаж ведет мраморная лестница с витыми, под бронзу, перилами...

Холодный дом! Меня встречают вежливо и отчужденно. Теперь я в полной мере могу оценить гостеприимство простого дома матери Бертрана.

Я дарю, как просил муж, Ольге Марии пластинку русских песен. Она тотчас ставит ее прослушать, а я ошарашено украдкой разглядываю ее. Не то, чтобы я ожидала увидеть красавицу... но не подобное же уродство! Невозможно

тонкие с костистыми утолщениями в запястьях и локтях руки, худые плечи, выпирающие ключицы, абсолютно плоская, низкая, отвисшая грудь, узкие, уже чем у подростка, бедра, высушенные ноги... Но сколь уверенно себя держит! С каким достоинством! Как мило и дружелюбно улыбается! Одежда просто и со вкусом... Как случилось, что у нее, такой безобразной, нет ни озлобленности, ни неуверенности в себе? Что дает ей ту внутреннюю силу, которая чувствуется при первом же взгляде?.. На нее страшно смотреть, так она уродлива! На нее тянет смотреть, столь обаятелен в ней сплав воспитания, скромности и еще чего-то необъяснимого, тонкого, едва уловимого – чего?..

Сеньора Ребекка дарит мне фольклорное платье, но ее взгляд, когда она мне его вручает, отрешен и холоден.

За обедом Малыш отказывается кушать, пачкает скатерть, роняет пищу на пол, вертится, отворачивается...

Я тогда не сообразила, что не надо настаивать, не та обстановка, это выглядит некрасиво... Мне казалось, важнее, чтобы ребенок вовремя поел... А зачем? Мне так и не удалось его накормить!

После обеда все садятся в кресла за журнальный столик. Разговор не клеится. Я постоянно оттаскиваю ребенка от фарфоровых безделушек и ваз.

Томас, десятилетний негритенок (служанка, работавшая в семье, скрылась, бросив ребенка, когда он был совсем маленький, и сеньора Ребекка усыновила его), вызывается по-

кататься с Малышом на качелях во дворе, но сынишка жмет-ся ко мне, испугавшись чернокожего мальчика. Всем нелов-ко. Сеньор Набор отважно решается вести беседу...

Лет десять назад сгорел прежний дом Санчесов. Они оста-лись без крова. Но в банке им удалось получить ссуду на строительство нынешнего дома под небольшие проценты и на длительный срок. И все это – чудо Господнее, награда им за веру, им помогает Господь! Кто же еще, если не Господь, даровал им такой счастливый выход из несчастья? Поэтому они верили и будут верить, верить и благодарить Господа за его благодеяния для их семьи!..

Оказывается, они верят из страха перед несчастьями! Мне скучно. Спросить, что ли, а кто же, если не Господь, наслал на них беду, почему не помиловал их за веру?.. Не стоит!.. Как намекнуть мужу, что неплохо бы уйти? Я устала и не хочу ничего больше слышать о чудесах Господних...

Малыш бросается на пол, на спину и, стуча ногами, тре-бует – на русском языке, слава богу! – покинуть этот дом. Мы поспешно прощаемся.

– Знаешь, – говорю мужу, когда мы выходим, – мне по-нравилась Ольга Мария, в ней что-то есть.

– Ты это заметила? Правда? Мне тоже так кажется! – ра-дуется муж.

– Конечно, «нет красоты такой, которая б в себе уродство не таила, нет безобразия без доли красоты», – цитирую я Ра-биндраната Тагора и добавляю, не сумев удержаться от лож-

ки дегтя: – Все-таки, мало кто еще, кроме восточного мудреца, согласился бы с нами!

Х Х Х

Больше всего простого советского человека периода застоя, мне кажется, должны были зарубежом поражать туалеты. Наши, крохотные, с вывернутыми наружу и уродливо соединенными трубами, грубо окрашенными масляной краской, отдавали должное человеческой природе – уродливому уродливое, не более.

Меня поразила выложенная сверху донизу прозрачным и светящимся черным кафелем просторная туалетная комната, в которой чисто плотно сияли розовые унитаз и умывальник изящнейших, удлиненных, вытянутых, форм. Два розовых пятна в прозрачно-черном пространстве... При нажатии кнопки унитаза низвергал поток розовой воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.